

на, определяет суть культурно-идеологических процессов, протекавших в стране при жизни поэта и после его гибели (в частности, зловещую роль А. Крученых), ратует за создание музея Есенина в Ленинграде. В той же работе Д. вступает в полемику с Ю. Суровцевым, С. Чуприниным, Д. Самойловым, неприязнь которых к поэтическим темам «малой родины», национальной истории, по мнению Д., родственна давним выпадам против Есенина. Отстаивая нравственные нормы лит. жизни, Д. протестует против оскорбления памяти Н. Рубцова (в годовщину гибели которого был напечатан хвалебный отзыв о книге его убийцы), А. Пушкина (спектакль-пастель реж. К. Гинкаса «Пушкин и Натали», статьи В. Фридкина, Н. Эйдельмана).

Статья, прозвучавшая в самом начале эпохи гласности остро и ярко, вызвала поток сочувственных читательских писем и вместе с тем обвинения со стороны И. Луначарской (Советская культура. 1987. 31 окт.) и Н. Трифонова (Лит. Россия. 1987. 13 нояб.) в искажении облика А. В. Луначарского. Отвечая оппонентам (Наш современник. 1988. № 3), Д. привела документы, подтверждающие тот факт, что нарком просвещения не оказал действительной помощи больному А. Блоку и бедствовавшей дочери Пушкина М. А. Гартунг.

Поэзия и публицистика Д. пробуждает в душе «щемящую радость родства» со своей страной, своей историей; ключевые строки ее поэзии: «В любой беде, в любое лихолетье / Тоску и ужас победит любовь» (сб. «Лесная сестра»).

Соч.: Медуница. Л., 1959; Синий лес. М.; Л., 1962; Жду необыкновенного. Л., 1965; Белый камень. Л., 1969; Голубые города: повесть / соавт. Е. А. Янишевская. Л., 1970; Жалейка. М., 1972; Вереск. Л., 1973; Лесная сестра. М., 1975; Страна апреля. Л., 1977; Росстань. Л., 1981; Соловьиный час. М., 1982; Зажги снега. М., 1982; Огонь рябиновый. Л., 1983; Горы ясно. Л., 1988.

Лит.: Малярова И. Непридуманное, земное... // На страже. 1960. № 3; Сергеева И. [Рец.: Вереск] // Звезда. 1974. № 10; Ласта К. [Рец.: Лесная сестра] // Звезда. 1976. № 6; Логинов Ю. Стремление // Аврора. 1977. № 3.

А. М. Любомудров

ДУДИН Михаил Александрович [7(20).11.1916, дер. Клевнево Ивановской губ.—31.12.1993, Петербург] — поэт.

Д. рано остался сиротой. Грамоте научил его — по книге стихов Некрасова — дед. Д. учился в школе крестьянской молодежи.

М. А. Дудин

По окончании Ивановской текстильной фабрики-школы работал в молодежной газете. Сблизился с начинающими поэтами Владимиром Жуковым и Николаем Майоровым. Первая книга стих. Д. «Ливень» (1940) вышла в Иванове (из лирики 1930-х в дальнейшем перепечатывал только стихи «Листопад», «Гроза», «Сначала только я заметил...», завершающееся дерзким вызовом: «Ты жив еще, подлец Мартынов. / Вставай к барьеру! Я иду!»).

Идеи родства, братства людей Земли, пронизывающие творчество Д., составлявшие смысл его общественной деятельности, всегда сочетались с глубоким самоощущением русского человека и поэта, с привязанностью к «родному очагу», «единственной родине» — ивановской земле (оттуда родом и традиционный русский стих Д.). Как поэмы нежной любви к отечеству в стихах звучат названия деревень Клевнево, Вязовское, имя речки — Молохта. Светла и благодарна память поэта о матери Елене Васильевне (поэма «Останется любовь», 1961; стих. «Вязовское», «После возвращения», оба — 1976; «Материнский крест», 1977; «По вечерам дрова горят в печурке...»).

В 1939 Д. был призван в армию. Точкой отсчета поэтического пути считал тетрадь стих. «Жесткий снег» (зима 1939–40). Обожженные огнем тяжелых боев на Карельском полуострове во время финской кампании, эти стихи выбрал из потока почты и опубликовал в первых номерах «Звезды» за 1941 Н. С. Тихонов

(чувство благодарности своему «крестному отцу» Д. пронес через всю жизнь).

Д. — участник героической обороны Ханко (подружился там с земляком художником Б. И. Пророковым, вместе работали в газ. «Красный Гангут», соавторы письма «барону фон Маннергейму»). Участник обороны Ленинграда. Был принят в СП на фронте весной 1942. Во время войны вышли сб. стихов Д. «**Фляга**», «**Военная Нева**» (оба — 1943), «**Дорога гвардии**», «**Костер на перекрестке**» (оба — 1944). В Москве П. Антокольский собрал произведения Д., печатавшиеся в «Комсомольской правде», и составил сб. «**Стихи**» (1943). Особенно широкую известность принесло Д. стих. «**Соловьи**» (1942). Сердцу нужно было «сгореть» и вновь забиться над пеплом утрат, чтобы стихи о гибели товарища зазвучали песнью торжествующей жизни, чтобы лес и все мироздание наполнило томительное пение соловья («Я славлю смерть во имя нашей жизни, / О мертвых мы поговорим потом»). Д. принес в поэзию романтическое воодушевление молодой, чистой натуры; война не огрубляла и не старила ее.

На войне в Д. окрепло чувство поколения. Шеренгой поэта навсегда стали С. Орлов и Г. Суворов, С. Наровчатов и М. Луконин, А. Межиров и М. Максимов. С годами все чаще приходилось писать друзьям реквием, самый известный — он звучал и при прощании с Д. — «**Памяти Михаила Луконина**» (1976): «...Идем, салютуя живущим / Разрывами наших сердец».

Война надолго «вошла в глаза» поэта, отозвалась в стихах и публицистике Д. строгой, бессрочной Памятью (поэмы «**Вчера была война**», 1946; «**Песня Вороньей горе**», 1964; стих. «**Наши песни спеты на войне**», 1965; «**Вдогонку уплывающей по Неве льдине**», 1966; «**Это память от зари до зари**», 1975; «**В День Победы**», «**Товарищам 1941 года**», оба — 1986; очерки, посвященные фронтовому братству, гангутцам в книге «**После притяжения**», 1981 и 1984; повесть «**Где наша не пропадала**», 1967).

Вернувшись к мирной жизни, Д. отдал щедро дань лирическому созерцанию, наслаждению красотой природы, женщины, упоению тишиной (лирический цикл «**Вологодское лето**», др. название «Упрямое пространство», 1959, поэма «**Четвертая зона**», 1959, стихи в книге «**Дерево для аиста**», 1980, и др.). И все-таки доминантой поэзии Д. 1950–70-х стала тревога: она меньше всего определяется приверженностью общеромантической традиции, это — чувство

гражданское, не случайно тревоге в стихах и поэмах Д. постоянно сопутствует память.

В 1960-е Д. пишет поэмы «Песня Вороньей горе», «**Песня моим комиссарам**» (обе — 1964), «**Песня дальней дороге**» (1965). Особенно примечательна последняя. Написанная через пять лет после «За далью — даль», поэма Д. о путешествии к правде не повторяет А. Твардовского. События эпохи как бы пронесаются за окнами «вечного» поезда, напоминая о величии века и о позоре фашизма. В калейдоскопе лиц, происшествий, свободном перемещении из настоящего в прошлое и обратно, из страны в страну, с материка на материк — своя логика, при всей импровизационности поэмы-песни. Поезд мчится мимо городов, чудес света, но миновать горе человеческое «бесплаткарный» пассажир (поэт) не может. Все здесь пронизано болью и тревогой за будущее Земли людей («Есть тоска о смертном часе / И для всех один рассвет. / Есть Земля. / И нет в запасе / У Земли других / планет»). Дальняя дорога у Д. не столько географическое понятие, сколько состояние души, выражение беспокойного поиска истины.

Д. — лирик в изначальном значении слова. «**Книга лирики**» (1986) — его главная книга, где и поэмы — части, звенья лирического монолога. В лирике Д. узнаваемы натура, характер поэта, черты его личности, из которых важнейшая — дар общения. В книгах стих. «**Дерево для аиста**», «**Ключ**» (1983), «**Полынь**» (1985) немало дружеских посланий — подарков по праздникам, юбилеям, а чаще — парсем по будним дням. Адресаты посланий — единомышленники, друзья: Кайсын Кулиев и Давид Кугультинов, Семен Гейченко и Владимир Жуков, Левон Мкртчян и Сильва Капутикян. Само послание у Д. — малый прообраз человеческого братства «сыновей одной Земли, одной земной печали» (Письмо Кайсыну. 1971).

Д. много послужил сближению разных народов, культур, лит-р как переводчик (переводил с грузинского — Н. Бараташвили, с украинского — М. Бажана, И. Драча, с башкирского — М. Карима, с балкарского — К. Кулиева; среди переводческих открытий Д. — писавшая по-шведски Эдит Седергран — «Возвращение домой», 1991). Характерно название книги избранных переводов Д. — «Все вместе» (1980). Особой любовью Д. была Армения: он переводил А. Исаакяна, Е. Чаренца, В. Терьяна, А. Сагияна; был первым русским поэтом, приехавшим в 1988 в Нагорный Карабах выразить сочувствие и солидарность народу Нагорного Карабаха,

провозгласившего независимость; гонорар за изд. книги посвящений, переводов, эссе, стихов **«Земля обетованная»** (Ереван, 1989) передал пострадавшим от землетрясения.

Д. много издавался, не был обойден вниманием властей, имел высокие награды и звания. Но стихи Д., главным образом написанные в последние годы, разрушают стереотип удачника, баловня судьбы, любимца «системы». В черныбыльском цикле **«Сегодня»** (1986), в **«Стихах из дневника Гамлета»** (1984), книгах **«Полынь»**, **«Заканчивается двадцатый век...»** (1989) волна романтических надежд, ожиданий, восторгов спала, обнажив на берегу лирики горькую соль раздумий о сущем; поэтическая речь, насыщенная, сжатая, зазвучала жестко, неукрашено, задевая слух резкой прямоотой правды, афористичностью невеселых откровений («Святая Правда есть, / Но что с нее возьмешь?.. / Власть — любит лесть, / А лесть — рождает ложь. / И нас с тобой / Опутало вранье. / И над земной судьбой / Кружится воронье», 1984). Не удивительно, что наиболее дорогие Д. стихи второй половины 1970-х — начала 1980-х **«Давид Кугультинов в Норильске»**, **«Тихий вздох над Сибирью»**, **«Слово о словах»**, **«У могилы Неизвестного солдата»** («...И тоска мою душу гнетет, / И осенние никнут растения, / И по мрамору листья метет / Оскорбительный ветер забвения») и др. упорно не пропускала цензура.

На трудном переломе истории, в годы перестройки, Д. заново нашел себя как поэт. Нелегкие раздумья о былом и нынешнем, разочарования, горькие прозрения искали выход не в митинговых обращениях, не в скороспелой публицистике на злобу дня, а в стихах выстрадавших, отточенных. В циклах стих. **«На повороте в завтра»**, **«У вечернего огня»** (оба — 1988), **«Песни убагающей воде»**, **«Десять открыток с берега беды»** (оба — 1991), **«После полуночи»** (1992), **«Одинокий дуб в чистом поле»** (1993) талант поэта раскрылся в ипостаси трагической. Д. тяжело пережил распад Советского Союза: «Я нищим стал: Все растерял по свету,— / Меня уже наполовину нету / ...Расторглась жизнь, распались времена...» («Моя молитва под новый 1992 год»). В душе поэта гудели колокола, «разбитые предчувствием крушенья». Гудели — и созывали поминать и про «вологодский конвой», и про «тревоги и страхи», и про «оскверненные хамом храмы». Образы времени в поздней лирике Д. то жутки («там, где шумит базарная толпа / ...Немцу жулик ловкий / За доллары

сбивает черепа / Моих друзей, убитых под Дубровкой»), то жалобны («Умирает солдат недужный, / Никому на земле не нужный»), то просветлены надеждой на «чудо живое любви», на мастерство и упорство народа.

Из названных циклов сложилась последняя книга Д. **«Дорогой крови по дороге к Богу»** (1995). В ней голос честного, совестливого сына своего времени, который не отрекается от прошлого, требует: «Не распинай мой день вчерашний...», но берет на себя личную ответственность за все, что было в прошлом позорного, унижительного («...Со всеми вместе я орал „Ура!“ / И до мозолей отбивал ладоши...»), не может смириться со своей ненужностью в настоящем («Я жить без веры не умею / И быть ненужным не могу»).

Поздняя лирика Д. мужественна и печальна. Стихи окрашивает мотив прощания («Как много нам досталось. / Как мало нас осталось. / И с жизнью эта малость / Прощается теперь»).

Д. не смог при жизни выпустить свою последнюю книгу. Между тем он надеялся ее изданием заработать средства на восстановление церкви в с. Вязовское Ивановской обл., возле которой похоронена его мать и где он сам хотел обрести (и обрел) «последнюю квартиру», — воля Д., выраженная в стихах **«Вместо завещания»** (1986) («Найдите мне место на этом погосте...»), была выполнена 6 янв. 1994.

Портрет Д. довершает книга **«Грешные рифмы»** (1992), изданная благодаря помощи Санкт-Петербургского Комитета мира и согласия (Комитета защиты мира), где Д. в течение двадцати лет был председателем. В этой книге собрано то, что сам поэт называл «мелким хулиганством», — ходившие в списках, известные с голоса присловья, строфы, частушки, эпиграммы, словом — «грешные рифмы». Острые, точные, веселые и горькие, на грани риска, они бьют по мишеням безнравственной политики, глупости, графоманства, мелочности, подлости, они социально и портретно выразительны («Я любил тебя, Маланья, / До партийного собрания. / Как открылись прения — / Изменились мнения»; «Лежит милая в постели, / А я лежу под койкою. / Как же мы достигнем цели / С этой перестройкою?»).

У Д. было много общественных обязанностей, к которым он относился ответственно, неформально. Многим молодым литераторам помог войти в лит-ру, выпустить первые книги. Многим рядовым ленинградцам, будущим депутатам Верховного Совета РСФСР двух созывов, помог преодолеть бытовые не-

устройства, найти справедливость на работе, вернуть доброе имя. Вообще по натуре он был заступник. В своих делах, идеях, с которыми выступал, руководствовался истиной, что «без прошлого нет будущего», что подвиг соотечественников должен быть достойно увековечен и ни одно имя при этом не забыто. По инициативе Д. вокруг Ленинграда был создан Зеленый пояс славы, в самом городе основан музей защитников Ханко. На гранитных и мраморных плитах города сохраняются его слова — стихотворные надписи по обеим сторонам входа на Пискаревское кладбище, эпитафии на братской могиле Серафимовского кладбища, на памятниках защитникам Ленинграда.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1987–88; Клубок: Стих. и поэмы. Л., 1978; Ключ: Новые стихи и переводы / илл. М. Дудина. Л., 1983; После притяжения: Проза о поэзии / рис. М. Дудина. Л., 1984; Книга лирики. Л., 1986; Заканчивается двадцатый век... Стихи. Л., 1989; Святогорское лето: Стихи. Л., 1989; Грешные рифмы. СПб., 1992; Дорогой крови по дороге к Богу: стих. 1986–93. СПб., 1995.

Лит.: Лавров В. Михаил Дудин. Л., 1986; Хренков Д. Михаил Дудин: Пять штрихов к портрету. М., 1976; Будьте, пожалуйста! Друзья вспоминают Михаила Дудина. СПб., 1995.

Н. Б. Банк

ДУДИНЦЕВ Владимир Дмитриевич [16(28).7.1918, Купянск Харьковской обл.— 23.7.1998, Москва] — прозаик.

В. Д. Дудинцев

В 1940 окончил Московский юрид. ин-т. Участник Великой Отечественной войны. После ранения в 1942 под Ленинградом работал военным прокурором в Сибири. В 1946–51 — очеркист «Комсомольской правды».

Писать стал рано. Будучи школьником, получил премию на Всесоюзном конкурсе, при этом жюри отметило «изоощренную литературную форму». В молодости увлекался зарубежной лит-рой — Дос Пассосом, Джойсом, Прустом, Хемингуэем. Был знаком с И. Бабелем.

Впоследствии Д. написал о себе как о человеке, «чья полная ярких событий юность счастливым образом совпала с прекрасной кровавой юностью нашей страны, тоже слепой, хоть и окрашенной в праздничные тона».

Начал печататься в 1933. Эти свои лит. опыты Д. сам осудил за то, что «видел только внешнее» и пытался это внешнее запечатлеть в слове. С годами пришло понимание, что «самое высшее из того, что есть в природе, и самое достойное внимания — это не вещи, а человек. И что самое высшее из того, что есть в человеке, — это бесконечность вариантов его личности» (**Две магии искусства** // Лит. газ. 1966. 13 авг.).

Отсюда — убежденность писателя, что существуют «две магии искусства»: первая заключена в даре художника, в его способности «видеть точно и страстно вещи, жесты, тончайшие движения души». Вторая магия заключена в способности «испытывать боль», в даре сочувствия «горестям и радостям людей», в готовности броситься «в драку».

Впервые высказав эти мысли о природе творчества в статье, опубликованной в «Лит. газ.» в 1966, Д. вернулся к ним, готовя переизд. своего романа **«Не хлебом единым»** и написав к нему предисл. (1990).

Именно этот роман, впервые опубликованный в «Новом мире» в 1956, принес автору шумную известность у многочисленных читателей. История противоборства изобретателя Дмитрия Лопаткина с директором комбината, а впоследствии крупным министерским работником Леонидом Дроздовым вызвала бурные дискуссии. Многолюдные обсуждения романа прошли в Ленинградском ун-те, в Москве. Однако вскоре он был подвергнут резкой критике, к которой имело прямую причастность тогдашнее высшее руководство страны. Писателя обвиняли в очернении действительности, искажении ее в романе, в преувеличении опасности бюрократизма.

Между тем Д. взял, казалось бы, расхожий для послевоенной лит-ры сюжет: борьба «новатора» с «консерваторм». Он был на-